

Анна
Яковлева

ИЗ
ВОРОН
в
СТРАУСЫ
и
ОБРАТНО

МОСКВА · КИПР · МОСКВА

16+

Анна Яковлевна Яковлева

Из ворон в страусы и обратно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42953091

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-09235-8

Аннотация

В большой город Нилу влекла мечта – поступить в текстильный техникум и стать модельером-закройщиком. Шитье было ее страстью. Участие в студенческом конкурсе готовых изделий изменило судьбу девушки. Платье, в котором она прошла по подиуму, заняло первое место, а в награду Нила получила швейную машинку «Зингер» и неожиданное предложение от скаута модельного агентства Вадима Валежанина. Вадим нарисовал перед Нилой упоительную картину, в которой Ниле принадлежал весь мир и он, Вадим, в придачу...

Анна Яковлева

Из ворон в страусы и обратно

*Все события, происходящие в романе,
вымышлены, любое сходство с реально
существующими людьми – случайно.*

...Целых полтора часа Неонила Николаевна Кива, пятнадцати лет от роду, высунув язык от усердия, писала шпоргалки по алгебре, и уже изнемогла. Решив, что каторжным трудом вполне заслужила несколько минут отдыха, Нилка намылилась в сад.

– Вернись и панаму надень, – перехватила внучку баба Катя.

В панаме Нилка приобретала сходство с чахлым цветком: длинный прозрачный стебель с супротивно сидящими ланцетными листьями, увенчанный перевернутым колокольчиком явно пробился на свет божий из полу–подвала.

Разложив раскладушку, Неонила растянулась на ней (ноги выступали за край сантиметров на двадцать) и, заложив острые локти под голову, принялась сквозь прищур, затуманенным взором рассматривать бабушкину коллекцию ирисов.

Разомлевшие в знойном мареве, лепестки расплылись и превратились в пятна, пятна слились между собой, создавая нежнейшие расцветки.

Персидский индиго переходил в ультрамарин, менялся на лавандовый и абрикосовый с вкраплениями кремового. К синему примыкали пятна светлого баклажана, баклажан соседствовал с кляксами цвета папайи. Светлый беж и светлая фиалка брали в кольцо нежнейший персик – если бы эти цвета перенести на ткань, она получилась бы невероятной.

С майского цветника Нилка уже сделала несколько вполне приличных акварелей. В июне пойдут пионы, дельфиниумы, рудбекии. В июле – розы и лилии... Нилка и с них сделает эскизы.

И так до самого последнего цветка в конце осени. Что там у бабушки заколосится по осени? Хризантемы и очитки. Эти будут цвести в красной гамме: от терракоты и кармина до фалунского красного, бордо и каштанового.

Сердце Неонилы сладко заныло, а в животе зазвенело от восторга. Осенью ее здесь уже не будет.

Осенью она будет далеко–далеко, в сотнях километров от их рабочего поселка, который объезжают стороной даже Лолита и Наталья Королева (филармония только успевает расклеивать и срывать объявления об их концертах).

Не говоря уже о группе «Нервы» – эти вообще не подозревают о существовании поселка.

Осенью она будет...

Вопль с улицы спугнул Нилины грезы, разорвал тишину и взвился над маревом:

– Ах ты, выродок! Ах ты, ирод проклятуший, – вопил женский голос, – чтоб тебя на куски разорвало! Что ж ты делаешь, сучонок?

Неонила стартовала с раскладушки и в несколько прыжков оказалась у тесового забора.

Забор был высоким, около двух метров, пришлось вскарабкаться на поперечину. Над плотно пригнанными бревнами открывался вид на перекресток и дорожный знак над ним.

В окружении поселковой босоногой ребятни от дома к перекрестку, потрясая кулаками, неслась Федоровна – бабушкина соседка. В овражке рядом с дорогой кувыркались два тела. По некоторым признакам (ярко-голубой гавайке) это был Колька Лыков. Его соперником мог быть только придурочный сынок Федоровны Славка Худяков – прилипала и зануда.

– Ведьма бесстыжая, – заметив над забором панаму Неонилы, завопила Федоровна, – любишь на дела рук своих? Стравила парней и радуешься? Тьфу! Что они только в тебе нашли? Соплей перешибешь, ни кожи, ни рожи.

– Сама ведьма, – буркнула Нила и спрыгнула с поперечины. Обвинение она пропустила мимо ушей, а вот замечание о коже Нилку больно ранило.

Бледная с переходом в зелень, кожа была ее крестом, ее

непреходящим кошмаром.

... Проторчав на огороде час, Нилка с пристрастием оглядела себя: организм категорически не желал приобретать шоколадный оттенок.

Солнечный свет отражался от худосочного тельца, а так хотелось быть похожей на сексапильную Уитни Хьюстон времен «Телохранителя» – любимого бабушкиного фильма.

– Неонила!– голос бабушки вывел Неонилу из мрачной созерцательности.– Быстро обедать!

Обед – еще один ужасный ужас, непреходящий кошмар, пытка с пристрастием.

Нила метнулась в дом, прошмыгнула в спальню за шортами и майкой, и была поймана с поличным:

– Куда это ты намылилась?– медовым голосом поинтересовалась бабуля, появляясь в дверях.

– Обедать,– не моргнув глазом, соврала Нилка и почувствовала, как кровь медленно приливает к лицу. Под светлой кожей она поднялась до корней волос и не оставила ни единого шанса – вот так всегда. Собственная кожа свидетельствовала против Нилки и выдавала с головой.

Бабушка – святая душа – сделал вид, что не видит состояния внучки:

– Знаю я тебя, – погрозила она пальцем,– удрать хотела. Не выйдет. Пока не поешь – никуда не пущу.

– Ба!– Нилка приготовилась к затяжной позиционной

войне.— Я есть не буду. Не хочу.

— Как это не буду? Как это не хочу? А кому я готовила?— это был последний аргумент. После этого бабушка обычно резко меняла стиль правления — либеральную демократию на военную хунту.

— Я не хочу есть! Ты меня раскормишь! Ты хочешь, чтобы я такой, как ты стала?

— Тебе до меня, как до Киева раком,— отрезала Катерина Мироновна.— Марш за стол. И не надейся, что я, как твои родители, забуду тебя покормить. Борщ съешь — и за учебники.

— Ненавижу борщ! — с чувством произнесла Нила и передернула плечами.— Ненавижу есть!

— Ноги протянешь,— припугнула Катерина Мироновна, приобняв внучку.

— Не протяну! Мне нельзя поправляться,— пошла на хитрость Нила,— может, я хочу манекенщицей стать.

Морщинки на бабушкином лице разбежались:

— Поганка ты бледная, а не манекенщица.

Поганка, спирохета и альбинос — чего только не приходилось выслушивать Нилке из—за проклятого цвета кожи и волос.

— Не поганка, а блондинка. Что из этого?

— Тебя ни одна камера не увидит, ты в кадре не проявишься — вот что,— пообещала Катерина Мироновна.

— Ба!— простонала Нилка,— ну что ты ерунду городишь? Перекрашу волосы, и проявлюсь.

– Я тебе перекрашу,– нестрашно пригрозила Катерина Мироновна, – хочешь на мать быть похожей?

После этих слов Нила обычно надолго замыкалась в себе.

Маму она, конечно, любила, но... похожей быть решительно не желала.

Год назад Нила даже составила перечень причин, по которым она не хотела быть похожей на мать.

Во-первых, та неудачно вышла замуж – за алкоголика.

Поначалу, на заре совместной жизни, мать еще пыталась сопротивляться, но хватило ее ненадолго. Однажды махнула на все рукой, напилась вместе с суженым и оказалась примерной ученицей.

Быстро втянулась, стала настоящим собутыльником мужу, товарищем по партии, а также боксерской грушей. На этом не остановилась, пошла дальше и обнаружила склонность к импровизации.

Здесь начиналось «во-вторых».

Бросив единственную дочь с невменяемым папашей, мать могла исчезнуть из дома на несколько суток. Возвращаясь, чувствовала себя виноватой, мучилась похмельем, рыдала и подлизывалась. Не гнушалась и клятвами – всем этим изобиловала жизнь Нилы в родительском доме.

Иногда Нилка думала, что она – суррогатное дитя. Боженька не давал родителям ребенка, и они нашли способ обхитрить боженьку – обратились к суррогатной матери.

Хитрить с боженькой – последнее дело. Он подает за тру-

ды – так говорит бабушка.

Нила даже знала точный адрес, по которому ей воздастся: «Текстильный техникум» в соседнем районе.

По твердому убеждению Неонилы, ее восхождение к счастливому будущему начнется с этого скромного образовательного учреждения.

С мечтой о техникуме Нилка стоически выдерживала все истерики матери, драки и грязные намеки родного отца. В обнимку с этой мечтой она просыпалась и засыпала, мечта давала ей силы и пищу, когда в доме было шаром покати, а это случалось сплошь и рядом.

Теперь от мечты ее отделяла итоговая аттестация, ГИА – и все.

И тогда она будет допущена к сакральным знаниям о «конструировании, моделировании и технологии швейных изделий».

Ничего другого Нила не хотела так сильно. Даже непьющих родителей, даже новых тряпок, даже моднячих кед (таких, как у Тоньки – черно-белых, с красными, блестящими шнурками) Нила так не хотела.

– Нилка!– спугнула мысли бабушка.– Ты где витаешь? А ну, ешь, остыло все.

– Ба! У тебя что, дел больше нет?– прозрачно намекнула внучка.

– Одно у меня дело – тебя на ноги поставить,– с тяжелым вздохом произнесла Катерина Мироновна и умостила свое

еще крепкое тело напротив внучки.

Нилка почувствовала легкую панику. Караул. Засада. Придется давиться борщом под всевидящим бабушкиным оком.

Хоть бы Тонька позвонила!

Желание, чтобы бабушка отвлеклась, было таким неистовым, что телефон на самом деле зазвонил. Вот, что делает сила мысли.

– Сиди!– Кряхтя и пощелкивая суставами, как гремучая змея хвостом, бабушка поднялась и проследовала в комнату, а Нилка проделала то, что проделывала обычно: вылила борщ в мойку.

Едва она освободила от гущи сток, бабушка вернулась:

– Тебя. Уже?– Катерина Мироновна с подозрением исследовала раковину и пустую тарелку,– снова отправила в яму?

– Совсем чуть–чуть,– пробубнила Нилка, – всего одну ложку.

– Ох, девка, помяни мое слово: не выйдешь ты замуж. Какая из тебя работница?

Нила уже стояла в прихожей. Прикрыв трубку ладошкой, с недоумением в голосе спросила:

– Ба! А разве замужество это работа?

– Неисповедимая, девонька моя, неисповедимая.

... Звонила Тонька Белкина – подруга, соседка, наперсница и одноклассница.

Их семьи жили по соседству в рабочем общежитии завода.

– Кива, – сварливо начала Белкина, – ты домой собираешься?

– Делать мне, что ли нечего? У предков война, а мне готовиться надо. Ты же знаешь, если не напишу тестирование, мне петля.

Русичка и математичка – две мегеры, две ближайšie родственницы Дракулы висели якорями на мечте Неонила Кива.

Большие надежды Нилка питала на шпаргалки и Тоньку, которая обещала пронести на тестирование мобильный телефон.

– Вместе бы учили. Первый раз, что ли? – Подруги не только вместе учили уроки. Ниле перепало со стола Белкиных, с плеча крупненькой Тоньки и в целом от щедрот соседей, не говоря о том, что от дебошей отца Нила укрывалась тоже у подруги.

– Нет, я с бабушкой поживу.

– Ой, – приуныла Тонька, – а я думала, ты мне сошьешь платье на выпускной.

Шить Нилу научила Катерина Мироновна – мать практиковалась в другом рукоделье.

Уроки труда мгновенно стали для Нилы любимыми, а походы в магазины тканей – грезами наяву, способом уйти от действительности.

Забывая о времени, Нила замирала, как ящерица, меж-

ду стеллажами с отрезами, зависала у вешалок с образцами, пробовала наощупь надменную роскошь парчи и гипюра, простоту вельвета и сермяжность джинсы и млела от счастья – все одинаково притягивало и вдохновляло Нилу... В голове роились волнующие образы и силуэты.

Увы. Мечтам суждено было оставаться мечтами, образы и силуэты заселяли виртуальные миры.

Бездарной же, совершенно не способной к шитью Тоньке ничего не стоило приладить левый рукав к правой пройме, а правый – к левой.

– До выпускного еще две недели, – через паузу отозвалась Нилка. – Сошью, куда от тебя деваться.

– А когда?

– После тестирования.

– Успеешь?

– Да что там успевать? Час на кройку, час на сметку и примерку. Прострочить и оверложить – еще два часа.

Это было за гранью Тонькиного понимания.

– Ладно. Да, слушай! Я такая иду из магазина домой, а навстречу Веня такой выплывает – у твоих был, тебя искал.

Вениамин Скрипников считал себя Нилкиным парнем.

Вене было семнадцать, и он собирался в армию – учеба вызывала у Вениамина непреодолимое отвращение. Голова его занята была другим. В поселке не осталось подъезда, где Веня не тискал бы Нилку.

– Ты меня не любишь, – канючил незадачливый любовник.

Возбуждение разрывало пах, виски ломило, губы горели огнем.

Не знающая родительской ласки, Нилка таяла в неопытных руках кавалера, но стоило ему проявить настойчивость, трусливо отыгрывала назад.

Ссоры возникали перманентно, Веня грозил найти другую, но от угроз к делу не переходил. Так они и существовали.

– Так что жди, – промурлыкала Тонька.

– Черт. Скорей бы его забрили, – вырвалось у Нилы.

– Добрая девочка, – съязвила подруга, и они простились.

***

...Русичка с математичкой по неведомой причине взяли отгул по основному месту службы, и из демонов превратились в престарелых ангелов–хранителей. Эти престарелые ангелы–хранители оказались беззубыми, немыми, слепыми и глухими, и у Нилки получилось списать ответы, и нужные баллы наскрести.

В исторический день, 25 июня, отправила в техникум копии документов и две фотографии три на четыре, на которых проявилась, вопреки мрачным бабушкиным прогнозам.

Пропуск в рай был практически в кармане, несмотря на это (а может, благодаря этому) Нила со всей страстью взялась за шитье выпускных – одинаковых! – платьев Тоньке и себе.

Выпускной отгремел, оставив после себя головную боль,

засосы на шею и кучу любительских фото, и время, как водится, замедлило движение.

В ожидании ответа из техникума, Нила днем отбывала трудовую повинность на бабушкином огороде, а вечерами обжималась с Веней на скамейке перед домом.

Чувствуя надвигающуюся разлуку, Веня домогался с особой настойчивостью, но Катерина Мироновна стояла на страже внучкиной нравственности:

– Нилка! Опять этот малолетний кобель под забором дрожит? – не стеснялась в выражениях баба Катя. – Женилка выросла в ущерб мозгам. Чтоб духу его не было в моем доме и в окрестностях, а не то я ухватом по спиняке пройду, мало не покажется. И тебя вожжами перетяну. Ишь, распарились оба, за версту несет срамом.

Вожжи в хозяйстве перевелись лет пятнадцать назад вместе с дедом Иваном, мужем бабы Кати, и конем Ивашкой, но красная, как вареный рак, Нилка одернула юбочку, мышью проскочила в спальню и закусила кулаки от обиды.

Ничего–ничего. Скоро–скоро.

То ли безлунная ночь Гекаты, то ли возбуждение – что–то повлияло на мозговую деятельность Вени. Он вдруг завопил под забором, как потерпевший:

– Баба Катя, я жениться хочу на Нилке!– Это было что–то новенькое.

Нилка хмыкнула и схватилась за щеки. А что, если на самом деле выйти замуж на Веню? Вот прикол будет!

– Иди–иди, жених,– баба Катя для убедительности потрясла ухватом,– много вас таких ходит.

«Выйти замуж за Веню, – продолжала соображать Нилка, – значит, проститься с мечтой, а как жить без мечты? Как мать? Совсем не прикольно».

Странное дело: мать с отцом все–таки было жаль.

Бабушка слышать не хотела о сыне и невестке, запретила внучке упоминать их имена, и не позволяла носить родителям продукты.

Нарушая запрет, Нилка по–тихому подкапывала молодую картошку, дергала редис, зелень и на велосипеде отвозила предкам.

– Давай, давай,– кипятилась Катерина Мироновна, обнаружив подрывтый картофельный куст,– поставляй им закуску к столу. Быстрее сдохнут.

Нилка пугалась перспективы и отмалчивалась.

Перспектива вырисовывалась мрачнее некуда, траурная перспектива – тут бабушка была права.

Высохшая, как мумия, мать проявила смекалку: бутылки теперь ставили рядом с кроватью, и пили лежа, как патриции. На кровати патрициев и накрывало.

Случись что, думала Нилка, никто не хватится. Ведь ее, Нилы, не будет, а бабушка не переступит порог дома «этого выродка, этой собаки, прости Господи».

Правду сказать, мысли эти не задерживались в Нилкиной головушке. Воздух свободы уже щекотал ей ноздри.

***

...Совершенно неожиданно идея с женитьбой понравилась Вене.

На следующий день он пожаловал к Нилке с букетом ромашек, вырванных прямо с корнем, и брякнул:

– Нилка, выходи за меня.

Причепуренный, с ромашками в кулаке Веня выглядел слоненком с открытки.

Нилка моргнула:

– Вень, мы ж несовершеннолетние.

– Так и что? Вон Саньку со Светкой расписали же.

– Так ведь по залету.

– А нам кто мешает?

– Венечка, ты забыл? Я поступать собралась.

– На фига? Чем тебе здесь плохо?

– Здесь работы нет.

– Как это нет? Люди же работают. Вон, объявление в газете: набирают учеников парикмахеров.

– Там платить нужно.

– А в техникуме не нужно?

– А в техникуме я буду стипендию получать.

– Так прямо и будешь?

– Буду, – Нилка насупилась. – Если не веришь, проваливай.

– Ну и дура.

– Сам дурак.

– Я, может, и дурак, только я жениться предлагаю. А вот найдешь себе какого–нибудь умника, он тебя попользует и пошлет подальше.

– Точно – дурак.

– Будешь локти тогда кусать,– продолжал каркать Веня.

– Не буду.

До Вени начало доходить:

– Нилка, ты меня что, не любишь?

Нилка задумалась. К Вене она привыкла, как к зубной щетке, Веня был всегда, как рассвет и закат. В груди у Нилки что–то дрогнуло:

– Люблю, Веня,– она обняла за шею своего кавалера.

– Тогда выходи за меня.

– Хорошо. Из армии вернешься – поженимся.

– Так это когда будет?– разочарованно протянул Веня и отстранился.

– Ну, тогда засылай сватов,– сдуру ляпнула Нилка.

От большого ума Веня сообщил родителям о своем намерении привести в их дом невестку.

– И кого это, интересно?– полюбопытствовала Венина мама, насмешливо глядя на плод их со Скрипниковым белой любви.

– Нилку. Я люблю ее,– на всякий случай объяснил Веня.

– Нилку? – ахнули родители. Батя у Вени трудился токарем на метизном заводе, а матушка – медсестрой в поликли-

нике. Батя в семье был головой, и мать – вертлявой шеей.

– Нилку.

– Эту версту коломенскую, эту тлю?– не поверил папаша.

– Никакая она не тля,– оскорбился за любимую Веня,– она хрупкая и нежная.

– Много ты понимаешь,– презрительно скривился папаша.– Тебе жена нужна, а не ваза напольная. И вообще, сходи в армию, а там видно будет.

Мамаша хранила горестное молчание.

Медицина бессильна: если ее Веня что–то задумал, пойдет до конца.

Сколько слез она пролила, отговаривая его от армии, а все без толку. Но жениться на Нилке – это уже слишком. Это – поставить крест на роду Скрипниковых.

Ясно же: дурная кровь у этих Кива. Что мать, что отец – совсем спились, усохли, в скелетов превратились, уже ветром качает. А ну, как Нилка пойдет по родительским стопам и потянет за собой их кровиночку? Ведь всем известно: если жена пьет, то муж обязательно сопьется. А ну как пагубная тяга передастся внуку или внучке? Тьфу, тьфу, тьфу.

...– Сначала нужно объяснить этой шалаве, этой паскуде Нилке, чтобы она выбросила Веню из своей глупой башки. Не поймет – тогда война. До кровавых соплей. До последнего патрона,– стучал по столу старшина запаса Скрипников–старший.

– Можно и грех на душу взять, отворотное зелье подлить Вене, – подала идею мамаша.

– Потом отмаливать будем, все потом, – поддержал идею глава семейства, – сейчас все средства хороши.

Говорить с Нилкиными родителями смысла не имело, решено было обратиться к единственному вменяемому члену семьи – бабе Кате.

Когда Скрипниковы высадились перед домом Екатерины Мироновны из своего доисторического Мерседеса, работавшего на газу и по этой причине несусветно чихающего и чадающего, вид у них был воинственный. Не хватало только флага и барабанов на шее.

Звук привлек внимание Екатерины Мироновны, она отодвинула тюлевую занавеску, рассматривая транспортное средство и святое семейство:

– О, Нилка, кажется, сваты приехали.

Обе застыли с отвисшими челюстями.

– А если они не свататься? – высказала сомнение внучка.

– А зачем тогда? – задала здравый вопрос бабушка. – Я бы на их месте рада была сбыть с рук своего обалдуя. Или у вас что-то было с ним?

– Ба! – надулась Нилка. – Как ты можешь?

Препираться времени не было – сваты уже колотились в калитку, Катерина Мироновна подалась открывать, а Нилка ушла в спальню.

– Здравствуйте, гости дорогие! – Взгляд Екатерины Миро-

новны приобрел особую глубину и пронизательность. Этот взгляд остался из трудового прошлого и по праву считался фирменным.

Под этим фирменным взглядом гости стушевались и приняли предложение попить чаю.

Катерина Мироновна решила пустить пыль в глаза сватам: выставила чайные пары из тонкого белого, волнистого фарфора, подала карамель «Клубника со сливками» и хворост, испеченный накануне для Нилки. Тощая, как вешалка, Нилка хворост есть отказалась наотрез – не пропадать же добру.

Пока закипал чайник, гости осматривались и хранили неловкое молчание, и бабе Кате пришлось вести светскую беседу о погоде и видах на урожай.

Чай с листом смородины скрипниковская мамаша оценила:

– Полезно для здоровья, чистит лимфу, – со знанием дела сообщила она.

– Жаль, мозги не чистит, – подал голос скрипниковский папаша.

– Для прочистки мозгов есть другие средства, – Катерина Мироновна качнула головой в сторону ухватов, приткнутых у печи. – Вашему – то я обещала приложиться, если не отлипнет от Нилки.

– Это еще кто к кому прилип, – запальчиво возразил Скрипников – старший.

– Сват, – изумилась Катерина Мироновна, – ты чего, шуток

не понимаешь?

– Какой я вам сват?– уязвленный до глубины души, ответил Венин батя.– Ваша бикса задом вертит перед нашим–то недоумком, вот ему моча и ударила в голову. Ему осенью в армию, а он – жениться.

– Чем там вертеть–то?– нехорошо усмехнулась баба Катя.– Там вертеть нечем.

– Вот и я говорю,– с удовольствием поддакнула Венина мамаша,– смотреть не на что.

В кухне воцарилась нездоровая тишина.

– А–а,– сообразила баба Катя,– так вы, стало быть, пришли мне отступного дать?

– Какого отступного?– испугался передовик производства.

– А вы как думаете? Мы только за деньги согласны снять вашего Веню с крючка.

– За деньги?– позеленела мамаша.

– Да. Вы же не хотите, чтобы Веня женился на моей Нилке? Готовьте выкуп. Иначе не отпустим зятя. Нам в дом мужик нужен, работник. Веня парень крепкий, опять же – дети здоровыми будут.

– Кстати о детях,– с ядом заметил папаша,– нам от вас ничего не надо. Никаких детей.

– Это плохо, потому что мы аборт делать не станем.

– Какой аборт?– взвилась мамаша.

– Так дело молодое,– с удовольствием сообщила Катерина

Мироновна,— у них это быстро. Вон Уфимцевы Санька со Светкой приехали в Загс расписываться, а у Светки схватки начались. Так они из Загса прямехонько в роддом угодили.

Скрипниковская мамаша отставила хрупкую чашку, поджала губы:

— У вашей Нилки наследственность, а нам в семью алкоголики не нужны. Не видать вам нашего Вени. Охмурили парня, теперь шантажируете ребенком. Постыдились бы в вашем возрасте.

— Это я должна стыдиться? Пришли в мой дом, сидите тут, мою внучку, меня с грязью смешиваете, а мне же еще стыдно должно быть?— Баба Катя с достоинством поднялась и подбоченилась.— А ну, пошли вон, пока я ухват не взяла. Генетики. Моя девка в рот спиртного не берет — насмотрелась на родителей—то.

— Алкоголизм передается по наследству!— пискнула мамаша, ходко перебирая ногами по направлению к выходу.

— Тупость тоже передается по наследству,— окоротила медичку Катерина Мироновна,— и не через поколение, а от отца к сыну.

— Держите свою девку на привязи,— на ходу бросил папаша,— а то я за себя не ручаюсь.

— Ах, ты, пес шелудивый, — потянулась к ухватам баба Катя,— это я за себя не ручаюсь! Пшел вон

— Мы в суд подадим!— Отступал Скрипникников—старший на всякий случай спиной.

– А мы на алименты,– пригрозила баба Катя.

***

...Происходящее напоминало сон.

Выложенный плиткой тротуар, купеческие домики, высотные дома – от восторга слезы наворачивались. Столица мира с техникумом в центре.

Перед зданием техникума Нилке захотелось пасть ниц. Внушительные колонны, портики, пушкинские фонарики...

В их рабочем поселке самыми значительными архитектурными сооружениями числились бывший клуб завода (ныне здание поселковой администрации) и церковь. Ни там, ни там Нила ни разу не была.

Сумки обрывали руки, восторг пополам со священным ужасом стиснули сердце, и ноги налились тяжестью. Если бы ее не подхватила и не внесла в святая святых стайка девчонок, не исключено, что Нила бы простояла, пялясь на львиные морды на капители, до темноты.

– Ну? Ты туда или оттуда?– услышала она насмешливый голос, и вынуждена была сдвинуться с места, и войти в каменную прохладу, и ощутить себя одной из небожительниц.

Наконец–то.

Дверь с хитрой пружиной мягко вернулась на место, отсекая Нилу от прошлого.

Попав со света в полумрак, она ослепла, и целых пять минут ориентировалась на запахи и звуки. Пахло едой и крас-

кой.

Постепенно из мрака проступили очертания холла и лестницы на второй этаж, к которой устремились девчонки. Во все глаза рассматривая одежду и обувь на них, Нилка потрусила следом.

Она бы так не оделась. Впрочем, как бы оделась она, если бы у нее была возможность,— неизвестно.

Запах столовой исчез, зато запах краски усилился.

— Эй, абитура?— раздался все тот же насмешливый голос. Девчонки повернули головы, наблюдая за потугами вновь прибывшей втянуть сумку (чего только бабушка туда натолкала, камней, что ли) по ступенькам.

Во взглядах, устремленных на нее, читалось осторожное любопытство, и Нила насупилась:

— Че?

— Как звать?

В горле запершило, губы стали чужими:

— Неонила. Нила,— исправилась она и внезапно обозлилась. Дура. Деревня. Так и будешь снизу вверх смотреть на девок?

— Меня Ира,— как вождь с трибуны, помахала ладонью круглолицая простушка.

— Меня Ксения, — подхватила другая — со свисающей не глаза челкой.

— А меня Наташа.

Низкая, крепкая шатенка сделала шаг навстречу. Ни-

ла сфотографировала девушку быстрым женским взглядом: высокие скулы, брови вразлет, яркие губы. Красок было так много, что глаза разбегались. Зависть острым коготком царапнула неяркую Нилу: везет же некоторым.

Впрочем, в мире нет совершенства – у новой знакомой не было и намека на талию.

Пришедшая в следующее мгновение неожиданная, смелая мысль удивила саму Нилку: она их всех сделает. Всех переплюнет. Заткнет за пояс. Обойдет на повороте.

Эта странная, взявшаяся из ниоткуда идея подчинила себе Нилу полностью ... На целых три года...

***

... К третьему курсу время, когда Нилка безвозмездно шила для подруг, прошло безвозвратно.

К третьему курсу Неонила Кива уже знала себе цену, и за определенную мзду строила лекала и кроила ткани для особо одаренных студенток. Плату брала в твердой валюте: консервами, сахаром и крупами.

Правило не распространялось только на Наталью Бабич: в точности, как когда-то в школе на уроках труда, Нила пахала за себя и за «того парня». Только тогда «парнем» была Тонька Белкина, а сейчас – Наталья Бабич – та самая девчонка с насмешливым голосом. Жили они в одной комнате, и Бабич без стеснения пользовалась Нилкиными талантами.

Незаметно для себя Нилка обросла клиентами.

– Не боишься?– намекали девчонки.

– Чего мне бояться? Экзамен я сдам по–любому,– отмахивалась Нила.

Свой невинный бизнес особо не афишировала, и все было шито–крыто, пока Наталья не почувствовала себя обделенной.

Случилось так, что во время сессии Нила зашила в буквальном смысле и не исправила дефект на пиджаке, который конструировала Наташка.

Дефект был в окате проймы, из–за него все изделие тянуло и морщило, и зачет Бабич не получила.

В это самое мгновение у Натальи обнаружился талант в области, далекой от пошива одежды.

Вылетев из аудитории, Бабич отправилась напрямик к заучу по воспитательной работе, старенькой Юлии Валентиновне Варенцовой, и наябедничала на подругу – избавилась от всех конкуренток одним махом.

От линчевания Нилку спасла телеграмма о смерти родителей.

Оба задохнулись в пожаре, не приходя в сознание.

***

...Хоронили за счет средств поселка и на пожертвования. Похороны были немногочисленными и тихими, только бабушка пронзительно вскрикнула, когда о крышку гроба сына стукнулся ком земли.

Постройневшая Тонька заглянула на поминки с каким-то мачо – жгучим брюнетом, невесть откуда взявшимся в мало-российской глубинке.

– Знакомься, это Алик, – представила Тонька мачо, – он из Адыгеи. Продает у нас помидоры.

Алик доставал Нилке до пупка, что не мешало ему корчить плейбоя.

Чуть пошловатый, развязный, он быстро понимал, когда его ставили в рамки.

– Зачем он тебе? – шепотом поинтересовалась Нила, когда джигит вышел во двор за малой надобностью.

Тонька поразила подругу философичностью:

– Я помидоры люблю.

– Много помидоров вредно.

– Мне – нет. С ним интересно. И потом: кто из наших способен сводить девушку в кафе или покатать на машине? И вообще я за смешанные браки и дружбу между народами. Вот возьму и женю на себе Алика.

– Так он и разбежался жениться на тебе.

– Раньше ты такой злой не была, – надулась Тонька.

– Раньше я была дурой.

– А теперь, значит, умная?

– Поумнее некоторых. – Акции подруги в Нилкиных глазах резко упали, когда она узнала, что Тонька торгует фруктами на рынке.

Веня уже был контрактником, топтал горы Кавказа и пи-

сал на бабушкин адрес так, будто они – жених и невеста, и дело это решенное.

Уход сына подкосил Клавдию Мироновну, она слегла.

С тоской глядя на таявший снег в огороде, Нилка уже подумывала оформить академический отпуск, но бабушка заставила себя подняться.

...После девятого дня Нилка вернулась на занятия и с недоумением обнаружила, что ее вещи из комнаты исчезли.

Кроссовки, джинсы и зимние сапоги, купленные на бабушкину пенсию, найти так и не удалось, и Нила выставила счет Наташке.

– Я тебе не сторож. Надо было забирать с собой свои тряпки, – огрызнулась та.

– Ты не сторож, ты воровка!

– Сама воровка!

– Что ты сказала? Повтори! – наступала тщедушная Нилка. Она была на голову выше крепкой Наташки и в три раза жиже.

– Сама такая, – воинственно вздернула подбородок та.

Дело кончилось тем, что комнату поделили на две автономные половины.

Но соблазн оставался.

Бывшие подруги продолжали сновать мимо друг друга в двенадцати квадратных метрах, так что иногда воздух готов был самовоспламениться.

А уж какой простор воображению это давало!

Приграничные стычки участились: пропажа учебников, лекций, ручек, мелков для кройки и выкроек стали почти регулярными.

Вскоре мелкие пакости перестали удовлетворять Наташку.

После того, как она срезала пуговицы на Нилкиной кофе, а Нилка в отместку покромсала ее лекции по основам дизайна, дошло до рукопашной.

От накопившейся ненависти тузили друг дружку в полном молчании.

Потешный бой собрал зрителей, и в самый отчаянный момент схватки до слуха Нилки долетела фраза:

– Дуры, вас же к конкурсу не допустят!

За секунду до этого желавшая смерти врагине, Нила потеряла к ней интерес, обернулась на голос и пропустила фланговый удар.

Теснота комнаты спасла Нилку от дальнего полета. Она вписалась в тумбочку у кушетки и даже не почувствовала боли:

– Какой конкурс?– плохо соображая, спросила она у хлопотавшей над нею девушки – кажется, ту звали Мариной.

– Конкурс готовых изделий,– произнесла сакраментальную фразу кажется–Марина и протянула Нилке руку.

Конкурс готовых изделий. Матч–реванш. Полет первого человека в космос. Второе пришествие. С чем еще можно

сравнить это событие?

Стянув с себя разорванную в бою футболку, Нилка переоделась и понеслась в учебный корпус.

...Взбудораженный новостью, техникум гудел.

Было от чего возбудиться.

Во–первых, ожидалось, что в показе примут участие профессиональные модели из агентства «Look» из краевого центра.

Во–вторых, ожидалось, что продемонстрировать сшитые наряды будут они же, профессиональные манекенщицы.

В–третьих: высокое жюри интересовала не только техника работы, высокое жюри хотело видеть изделия, отмеченные индивидуальностью, неповторимостью и самобытностью.

Нилка точно приросла к полу. Перечитывала и перечитывала скудную информацию, изложенную протокольным языком, бессознательно скользила взглядом по составу жюри конкурса.

Н.Н. Загайнова, П.Г. Бубенец, Л.Е. Сухотин.

На первой же фамилии Нила испытала легкое головокружение: Н.Н. Загайнова – автор учебника по конструированию моделей одежды «Алгоритмы славы». Эта фамилия была знакома каждому более–менее приличному портняжке. Нилка была приличным портняжкой, и имя Нины Загайновой было ей знакомо.

Н. Загайнова владела конструкторским бюро. Лекала, ко-

которые строили в бюро, пользовались популярностью у производителей.

Если только Н.Н. Загайнова захочет, если только обратит милостивый взор, если заметит Нилкину работу, о будущем можно не беспокоиться – оно будет мажорным и шоколадным.

Имена спонсоров, за чей счет организаторы собирались устроить конкурс, Нилка так и не смогла прочитать – они расплылись перед глазами. Да они и не имели значения. Значение имело другое...

Ткани для моделей одежды – вот, что имело значение. Материал можно было купить по своему выбору или получить отрез у Варенцовой.

Черт! Черт! Черт! Будь он проклят, этот конкурс с его наградами и призами, со всеми модельками и меценатами–благотетелями!

Все участницы, и в первую очередь Наташка Бабиц, на свое усмотрение отоварятся в магазинах тканей шелком и бархатом, парчой и гипюром! А у нее – казанской сироты, нет денег даже на байку. Даже на рогожку. У нее нет денег даже на кусок марли, черт бы все побрал.

С полными от слез глазами Нила добралась до конца объявления:

«По окончании конкурса будет устроен бал.

Третья группа! Утверждение эскизов моделей состоится через неделю. Учащиеся, опоздавшие сдать эскиз, к участию

в конкурсе не допускаются (только в качестве зрителей)».

Под последней строчкой кто-то успел пририсовать человечка с огромными ушами – лоха. Вот-вот. Именно лохом Нила себя и ощущала.

...Все точно сошли с ума.

Группа разделилась на имущих и неимущих, на способных и бездарей, на ленивых и трудяг. Эти подгруппы находились в постоянном броуновском движении, что-то искали, подсматривали, подслушивали, куда-то бегали и что-то доставали. Моментально острым дефицитом стали журналы мод.

Кто владел журналом, тот владел сознанием, а кто не мог себе позволить «Bazaar» или «Vogue» практически превратился в изгоев.

Желающие получить хоть на день свежий номер записывались у старосты группы.

Из библиотеки исчезла даже «Burda» времен бабушек – это все, что перепало Нилке, пока она ждала своей очереди на новенький «Elle».

Вообще журналы мод Нилка не любила, но радовалась, когда получала возможность их полистать.

Листая «Vogue» или «Bazaar», не столько рассматривала фасоны одежды, сколько старалась уловить тенденцию. У нее даже получалось с большой долей вероятности предсказать, какой стиль войдет в моду и какой цвет станет трендо-

вым – тот, которого давно не было, о котором все успели соскучиться. Так случилось с баклажаном. Так было с персиковым. И с коралловым.

Получив, наконец, «Elle», Нила поняла, что ей ничто не поможет. Пропорции – это и есть красота, говорила Шанель. Пропорции и цвет, – добавляла от себя Нилка. От этой мысли хотелось выть: что–то ей всучит Варенцова, какую дерюгу? Всем известны вкусы старухи: лучшей расцветкой она считала кумач.

За всеми перипетиями, Нила совсем выпустила из вида, что, проучившись три года, Наташка Бабич так и не научилась шить. Под словом «шить» подразумевалось – создавать одежду без конструктивных дефектов.

Наташка вещь не чувствовала, детали не прилаживала, а пришпандоривала и приляпывала. Все, что выходило из–под руки будущего мастера–закройщика Натальи Бабич, выглядело в точности, как рассказывал в свое время Аркадий Райкин.

Вкусом Наташка тоже не могла похвастать: предпочитала пафосные фасоны «а–ля королевишна», нагружала вещи лишними деталями, не учитывала особенности силуэта, рисунок ткани, да и чувство пропорции ей было не ведомо, так что на модельера–конструктора Бабич тоже не тянула.

Впервые за все годы учебы Нила испытала удовлетворение при мысли о криворукой Наташке: она по определению не могла быть конкуренткой.

У нее, Неонилы Кива, вообще не было конкурентов в их Альма–матер. Завистники были, а конкурентов не было.

***

...На дворе стоял апрель, аромат цветущих яблонь вривался в открытые окна аудиторий.

Учащиеся третьего и четвертого курсов, построенные во дворе буквой «П» уже минут тридцать изнывали в ожидании гостей. Гости задерживались.

Первокурсники и второкурсники допущены к действию не были и умирали от любопытства, густо облепив окна второго этажа.

Букву «П» уже порядком вспучило, когда со второго этажа раздалось долгожданное:

–Е–дут! Е–дут!

Через несколько минут во двор въехала «Газель».

Интригующе долго из машины никто не выходил, наконец, под одобряющий гул голосов дверь микроавтобуса отъехала.

Первой показалась жгучая брюнетка – отбеленная в хлорке копия Наоми Кэмпбэл. Поставив ножку сорокового размера на асфальт, она распрямилась, являя себя миру в полный рост, чем вызвала гром аплодисментов.

Овации не прекращались, пока последняя красотка не покинула нутро «Газели».

Во дворе техникума некуда было яблоку упасть: в городке

событие вызвало горячий интерес, и желающим посмотреть на местный глянец живьем не было отбоя.

Директор техникума, Владимир Иванович Волк, произнес приветственное слово (короткое, но емкое) и, стараясь держаться на расстоянии от высоченных девиц, сбыл их на попечение зама.

Сухая и прокуренная, как старая зэчка, старуха Варенцова увлекла девушек на экскурсию по техникуму. Двор потихоньку пустел.

Первая часть марлезонского балета окончилась.

Опустив плечи, Нила выбралась из толпы: она чужая на этом празднике. Или праздник оказался чужим.

Это было чертовски не справедливо.

– Чего киснем, Кива?– раздалось у самого уха. Нила вздрогнула от неожиданности и обернулась.

Волк, он же отец и учитель, смотрел с ободряющей улыбкой.

Нила заставила себя улыбнуться в ответ:

– Владимир Иванович, а когда нам раздадут материал для работы?

– Насколько я знаю, сегодня и раздадут. По–моему, ты от группы отбилась, а, Кива?

– Сбор через час в конференц–зале. Успею. А что там будет?

– Я секреты разглашать не имею права.

– Владимир Иванович,– сложила белесые брови домиком

Нилка,— хоть намекните.

— Не могу. Всему свое время.

Вид у Волка был загадочный, и настроение у Нилы поднялось. Вдруг Бог существует?

...Устроившись в третьем ряду, Нила не могла отлепить глаза от платья на брюнетке, которая вышла из «Газели» первой.

Расцветка «Калахари», африканский мотив. Россыпи черного, хаки, ржавого и жженого апельсина. Такие оттенки невероятно идут смуглым.

А бледным спирохетам, вроде Неонилы Кива, все больше нежно-розовенькое... Pink. Поросячий цвет.

Каждому свое. Кому-то inferнальный алый, кому-то шокирующий розовый, а кому-то благородная терракота.

Старушка Варенцова, между тем, перешла от разговоров к делу. Представив манекенщиц по именам и номерам, развернула свой талмуд, с которым не расставалась, наверное, даже во сне, и стала вызывать студенток по списку.

Через тридцать минут двадцать три студентки третьего курса были ошарашены куском ткани и открыткой с заданием — вопреки прогнозу Волка, это стало неприятной неожиданностью для Нилы. Она-то думала, что выбор фасона оставят за участницами. Задание убивало мечту в полете — так ей казалось.

Развернув пакет, Нила обнаружила премиленький ситчик

в розово–голубой гамме. На открытке с заданием было отпечатано одно слово: сарафан.

Сарафан? Нила задумчиво помяла в руке ткань.

В голове соткался образ англичанки, ленд–леди, таких героинь романа «Гордость и предубеждение».

Или нет. Никаких оборочек, фонариков, пышных юбок. Мысленно Нила уже кроила, приметывала, подгоняла и строчила.

Шум в зале вырвал Нилку из грез: началась вторая часть марлезонского балета.

Каждая манекенщица получала двух модельеров–закройщиц.

В результате Нила с удивлением обнаружила, что ей досталась отбеленная Наоми. Девушку звали Тамарой, ее надменности позавидовала бы и царица. Такую в розово–голубой ситчик?

Придя в себя от шока, Нила извинилась и бросилась к Варенцовой:

– Юлия Валентиновна, по–моему, тут какая–то ошибка.

– Какая ошибка, Кива?– Варенцова смотрела с досадой.

– Видите, какая у меня ткань.

– Ну?

– И смотрите, какая модель.– Нилка повела глазами в сторону Тамары–Наоми.

На дне старческих выцветших глаз появился укор:

– Вечно ты, Кива, голову морочишь.

– Юлия Валентиновна, пожалуйста, придумайте что–нибудь,– взмолилась Нилка.

– Ну, вон, поменяйся с Плашко. Ей все равно, кому брюки шить.

– Юлия Валентиновна,– продолжала хныкать Нилка,– давайте вы ей сами скажете, а то она упрется, если я попрошу.

Варенцова обреченно вздохнула:

– Кива, у тебя цыган в роду не было? Цыган–альбиносов,– добавила она, окинув беглым взглядом Нилкины соломенные волосенки.

– Да,– не стала отрицать родство Нилка,– и цыгане, и альбиносы, только вы сами скажите Плашко.

...Едва модели отбыли восвояси, участницы конкурса сбились в табун.

Эмоции выплеснулись наружу, все заговорили разом, поднялся немислимый гвалт.

– Нет, вы видели?

– Девчонки, вы видели,– закатывала глаза Ирина,– какой плащ у моей модельки!

– А какие у моей ботильоны!

– А кожа какая! Видели, какая у всех у них кожа?

– А макияж?

– Прозрачный,– со знанием дела вставила Наташка. Ей косметика почти не требовалась, и она щеголяла этим.

В черепной коробке у Нилы теснились образы, и, ведомая ими, она тихо покинула актовый зал.

Модель, на которую Нилка обменяла Тамару – Эльза – была голубоглазой шатенкой с нейтральным оттенком кожи, и розово-голубой ситец ей сказочно шел.

Боясь расплескать по пути вдохновение, Нила припустила в общежитие, где ее ждали альбом, полумягкий «Кохинор» – приз победительницы конкурса эскизов – и ластик.

Через несколько минут Нилка уже водила карандашом по чистому листу.

Стремительные линии ложились одна за другой, Нила так увлеклась, что даже не заметила появления сожительницы.

Из-под грифеля выходило свободное платье, отрезное по талии, на застежке из воздушных петель и обтянутых тканью пуговок (не забыть перед обтяжкой замочить ситец). Пустить сужа по подолу и горловине? Двух цветов. Красный и синий. Такое платье можно носить с джинсовой курткой или вязаной крючком манишкой.

Как ни сэкономила бумагу, листов в альбоме не хватило. Отложив рисунки, Нила достала из сумки кошелек, пересчитала деньги. Если купить альбом, то о сужае можно забыть.

Просить денег у бабушки язык не поворачивался. Может, плюнуть на все и заработать?

Словно отвечая на Нилкин мысленный запрос, судьба ответила стуком в дверь.

Осторожно просунув голову, в комнату заглянула Ира:

– Нил, придумай фасон, а?

Бросив на визитершу задумчивый взгляд, Нила вернулась к рисунку. В голове завертелись меркантильные мыслишки: у Ирки денег нет, взять с нее нечего. Такая же голытьба, как она сама. Надо подождать солидного клиента.

– Нет, Ир, ты извини, – приняла решение Нила. Рука была твердой, и линии получались четкими, прорисованными, – не хочу рисковать. Старуха узнает – эскиз не зачтет ни мне, ни тебе. Так что не проси.

Ставшая свидетелем этого разговора, Наташка не удержалась от комментария:

– Ломается, цену набивает.

– Не твое дело, – даже не повернув головы в сторону подстрекательницы, бросила Нилка.

Чувствуя поддержку, Ирка попробовала зайти с другой стороны:

– Нил, ну может, посмотришь. У меня задание – юбка из трикотажа. Я вот тут набросала.

Трикотаж Нилка обожала. Косые кокетки, воланы и фантазийные драпировки – ммм...

Ирка все-таки ввинтилась в комнату, с просительным видом просочилась к кушетке, на которой полулежала Нила, и протянула альбом с набросками.

Соблазн был велик, но Нила точно знала, что если она хоть одним глазком заглянет в Иркины рисунки, то уже не отделается. Рисунки засядут в голове, как в окопе, и будут

мучить, пока не родится фасон. А если фасон не родится сразу, то она зациклится и превратится в маньячку. Нельзя объять необъятное, как говорит отец и учитель Волк.

– Ир, нет, – извиняясь всем видом, Нила мягко отвела Ир-кину руку, – я, правда, не могу.

Нилка рисковала: не было никакой уверенности, что еще кто-то из девчонок попросит о помощи.

Риск оказался оправданным. Стоящий клиент появился в столовой.

Поминутно оглядываясь, чтобы не засветиться перед Варенцовой, к Нилке подседа Настя Плашко и заговорщицки прошептала:

– Помоги, а?

Едва не взвизгнув от радости, Нилка быстро опустила глаза в капустный салат, а сама принялась копаться в памяти, вспоминая, кто у Насти родители. Кажется, мать учительница, а отец... Вспомнить, кто отец у Плашко, Нила не успела. Словно отвечая на ее муки, Настя прошептала:

– Я заплачу.

– Что у тебя? – погасив веселые искорки, Нила посмотрела на однокурсницу.

От волнения Настя стала слегка заикаться:

– У меня б-брюки из вельвета крупного р-рубца. Я не знаю, что делать с к-карманами. Они вообще нужны? Если н-нужны, то какие?

– Сделай один крупный, только опусти пониже, тогда он

станет отвлекающей деталью.

– Посмотришь эскизы?– Настя наклонилась над портфелем, и Нила дернулась, как от удара током:

– Не вздумай! Встретимся через час в библиотеке,– сосредоточенно глядя в тарелку, прошипела она.

– Сколько?

– Купишь мне сутажной ленты,– подумав, попросила Нилка,– и сахару. Она так и не вспомнила, кто отец у Плашко, и решила не заламывать.

***

... Нилка обшарила все углы и закоулки на их с Бабич двенадцати квадратах – ее эскизы как сквозь землю провалились. Если это происки вражины Наташки, то большей глупости придумать трудно,– ползая по комнате и заглядывая под кушетки, думала она. Вот бы поймать эту ворюгу и засудить! Эскизы – ее, Неонилы Кива, интеллектуальная собственность – это раз.

Комната уже напоминала жилище, в которое прямой наводкой угодила бомба. Осмотрев место схватки в последний раз, Нилка села и задумалась.

Восстановить эскизы не составит труда – это два. Времени жалко, но назло этой стерве она сделает еще лучше, чем в первый раз: нет предела совершенству, как говорит Волк.

Свои эскизы Нила обнаружила совершенно неожиданно и там, где меньше всего ожидала – в туалете, куда побежала,

просидев над рисунком три часа.

Ее детище висело на гвозде вместе с туалетной бумагой.

Совершенно не справляясь с собой, Нилка разревелась, хотя ревой не была, скорее наоборот – могла довести до слез кого угодно. Воспитание, полученное в родном доме, было сродни тюремному: не верь, не бойся, не проси.

Утерев рукавом слезы, Нила сняла с гвоздя листы. Ощущение было странное, будто умер кто-то. Однако взглянув на эскизы, Нила порадовалась за себя: второй вариант на самом деле вышел удачнее.

– Ну, держись, гадина,– пригрозила в пространство Нилка.

Была суббота, Наташка намылилась на выходной день домой, и, по всей видимости, свои рисунки предусмотрительно прихватила от греха подальше.

Нилка ходила по комнате кругами, как мертвая панночка вокруг семинариста, клала зубами от бессилия, но отомстить по горячим следам не сумела – отыграться было не на ком и не на чем. Ни учебников, ни одежды Наташка на поживу не оставила.

Все, что могла Нилка – это дать себе страшную клятву мести.

...Слово Нилка сдержала за день до утверждения эскизов.

Подняла руку на лекции, получила разрешение выйти, и вместо туалета–буфета рванула в общагу.

Пришлось покумекать: Наташка, ведьма, засунула свои эскизы Нилке под матрас.

Изобретать велосипед Нилка не стала, сделала то же, что и Наташка – распяла рисунки на гвозде в туалете.

Полюбовавшись результатом, с сознанием исполненного долга вернулась на занятия.

С этого момента конфликт перешел в следующую фазу.

Наташка обнаружила пропажу, и никаких сомнений в том, кто стянул эскизы, у нее не возникло.

– Гадина!– издав боевой клич, Бабич двинулась к Нилке.

Нилка поискала глазами, чем бы защититься от нападения, увидела линейку, схватила ее и направила на противницу:

– Ну, давай, давай!– в голове мелькнуло: не хватает только фингалом обзавестись перед конкурсом.

Неожиданно ловко Наташка выкрутила из рук рахитичной врагини линейку и сильно толкнула:

– Гадина!

– Сама гадина!– не осталась в долгу Нилка и толкнула в ответ соперницу.

Этого было достаточно, чтобы девчонки сцепились и покатались по полу, натываясь на ножки кроватей, стола и стульев.

Эхо битвы разнеслось по общежитию.

Первым в комнату влетела Ирка – она жила за стенкой:

– Дуры! Вы что делаете?– больше Ирка сказать ничего не

успела – дерущиеся фурии сбили ее с ног, получилась куча–мала.

Так их и застала комендантша Илона Валерьевна – субтильная дама бальзаковского возраста с жилистой шеей.

Наташке крупно не повезло, потому что к Неониле Кива комендантша питала самые теплые чувства: Нилка к 8–му Марта сшила ей романтическую блузку из молочного шифона.

Блузка была очень просто скроенной, единственным украшением стали три нежнейшие розочки, подсмотренные Нилкой в журнале «Burda» за 1989 год и скрученные ею собственноручно из той же ткани, что и блузка – из молочного шифона.

Давно пережившая свои лучшие годы, выцветшая комендантша в этой блузке так преобразилась, что плотник общезжития Егорыч наконец–то обратил на нее внимание, и даже пригласил танцевать на вечере – вот, какие мысли вихрились в голове у Илоны Валерьевны, взиравшей на кучу–малу.

– Негодяйка!– комендантша бросилась отгаскивать красную, растрепанную Наташку от поверженной Нилки.– Креста на тебе нет. Сироту обижать. Быстро прекрати. И марш на свое место. Я докладную напишу на тебя, негодяйка.

– Да что вы ко мне привязались?– провыла Наташка уже со своего койко–места.– Я вот отцу скажу, и тогда посмотрю на вас с вашими докладными. Носитесь с этой дурой, а она мои эскизы испортила!

– Сама мои эскизы в сортире на гвоздь повесила, и еще жалуется!– ободренная присутствием защитницы, заорала в ответ Нилка.

– Расселю. Сейчас же расселю, – продолжала яростно трести невинными кудряшками Илона Валерьевна.

Обещание свое комендантша сдержала только наполовину – написала докладную и на этом поставила точку, а жаль. Возможно, расселение уберегло бы ее любимицу, Неонилу Кива, от драматического поворота в судьбе.

При прочих равных, Наташке повезло больше: у нее оказались непьющие (или пьющие в меру) состоятельные родители.

Отец Бабич примчался в техникум, уединился сначала с завучем, потом с директором.

На следующий день к служебному входу учреждения подъехал фургон, и из него выпрыгнули два бравых униформиста.

Деловито выгрузив из фургона коробки с лейблом известного производителя компьютеров, униформисты еще некоторое время мелькали в коридорах техникума, после чего все стихло, и покатилась привычная жизнь, только вот Наташка совсем потеряла страх.

***

...Примерка, на которой Ниле не пришлось ничего исправлять и переметывать, прошла на одном дыхании. Чи-

стые линии, ни одного неверного шва – Нилкин талант выглядывал из каждого стежка и выточки.

– Здорово, – восхитилась Эльза, – хоть сейчас на «Неделю моды в Москве» или на «Адмиралтейскую иглу».

– Спасибо, – с достоинством отозвалась Нилка, – это у меня от бабушки. Она закройщиком проработала всю жизнь. Мне нравилось смотреть, как она шьет.

Детские воспоминания неожиданно увлекли Нилку.

Бабушка перед началом шитья ставила свечку в церкви, и свято верила, что удачно сшитая вещь – подарок от Бога.

Так далеко Нилка в своей вере не заходила, но, по примеру бабушки, в рождении одежды тоже видела божественное начало.

Необъяснимым образом пальцы знали, как и что нужно делать, чтобы подарить миру еще одну вещь. И неважно, что это – блузка или юбка, пиджак или пижама – это была магия. Поэтому, – выстроила теорию Нилка, – в одних вещах тебе везет, в других – ты проходишь незамеченным по судьбе, в третьих – тебя постигают неудачи.

– Тебе бы в дом моды какой–нибудь, – донеслось до Нилки.

– Думаешь? – Нилка смотрела с жадной надеждой.

Эльза сбросила маску неприступности:

– Знаешь, у нас в городе я таких точных глаз и рук никогда не видела. Мы вечно телом закрываем амбразуру, я имею в виду ляпы модельеров–закройщиков. А нашу швейку хо-

чется взорвать, чтобы ткани не переводила. Девчонки отказываются в ее показах участвовать. Больше позора, чем денег. Нет, правда,: фасоны – прощай молодость, расцветки – похоронные, размеры – просто атас, а качество шитья – вообще отстой. Руки обрывать за такое нужно.

– Зато есть бутики и магазины известных марок, – примирительно сказала Нила, в двадцатый раз одергивая и оправляя сарафан на фигуре Эльзы. Это было лишним – сидел сарафан идеально. Теперь главное – не спугнуть магию, не испортить строчкой.

– Ой, да ничего здесь нет. Сотни две бутиков и несколько магазинов модной одежды. Не Париж, одним словом.

Не Париж. Париж...

Знакомое слово, черт возьми. Нилка неожиданно осознала, что, став классным модельером–закройщиком, она может поехать в Париж и предложить себя какому–нибудь дому моды. Там нужны руки талантливых мастериц.

До Парижа далеко, а до конкурса – два дня. Если все будет хорошо (тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить), то она получит приз – швейную машинку «Зингер». Спонсор расщедрился.

***

...Это было уже слишком – чернильное пятно величиной с тарелку на подоле.

В голове у Нилки стало пусто до звона. Она пялилась на пятно и силилась сообразить, что это и как теперь быть, но

ничего в голову не приходило, кроме дикого желания придушить Наташку.

– Слушай, кутюрье, кому, интересно, ты так насолила?– Тамара подняла надменную бровь.

Платье было испорчено непоправимо, и никакие пятновыводители, окажись они под рукой, не могли спасти положение – осталось полчаса до показа.

– Какая теперь разница,– всхлипнула Нилка, так ничего и не придумав. Глаза стали красными, как у кролика, даже надбровные дуги приобрели розовый оттенок. Pink. Новости одна хуже другой сыпались на Нилку с самого утра.

Начало положило известие о том, что Эльза подвернула ногу и в показе участвовать не будет. Значит, вся работа псу под хвост. Манекенщицы только с виду все на одну фигуру.

– Зачем только менялась с Плашко?– подлила масла в огонь старуха Варенцова.

Глаза у Нилки налились слезами:

– Откуда же я знала?

– Вот что, Кива: Тамара ведь не отказывается выйти в твоём платье, так что не разводи сырость, иди и работай.

– К этому платью блондинка нужна,– шмыгнула носом Нилка.

Затянувшийся спор уже стал выводить из себя Варенцову: она была организатором конкурса, со всех сторон ее атаковали вопросами, и у нее не было времени объяснять перфекционистке Кива, что молодости все к лицу.

Уже переключившаяся на более важные дела, Юлия Валентиновна, услышав это заявление, обернулась и выкатила водянистые глаза:

– Да что ты говоришь?

– Юлия Валентиновна,– взвыла Нилка,– оно ей не идет!

Ну, правда!

– Ну, ты даешь, Кива. Может, к твоему платью Линду Евангелисту нужно было выписать?– с сарказмом спросила она.– Прекрати реветь и радуйся, что Тамара не отказывается выйти в твоём платье, а то я подумаю, что ты хочешь отказать от конкурса.

И, сопровождаемая такими же, как Нилка, попрошайками–надоедами, Варенцова удалилась.

Только Нилка отошла от первого потрясения, теперь вот – это пятно.

Может, пошло оно все к черту?

К черту?

Не–ет, она не сдастся, не доставит радость корове–Бабич.

Схватив сарафан, Нилка понеслась в мастерскую. С развивающимися волосами, Тамара неслась за нею.

Ворвавшись в мастерскую, Нилка кинулась к пакету, в который собрала лоскуты – остатки ткани.

Остатки были аккуратно сложены, свернуты в тугий миниатюрный рулончик и перевязаны сутажной лентой. Проклиная свою аккуратность, Нилка раздербанила рулончик, вытряхнула несколько лоскутов и стала прикладывать один

за другим к пятну.

Подобрав размер, вырезала из лоскута форму – попадание было почти полным. Тамара не успевала следить за Нилкиными руками. Несколько движений ножницами, пулька ниток, иголка – все мелькало, как в хорошо отрепетированном танце.

– Что ты делаешь?– удивилась девушка, наблюдая, как Нилка приметывает кусок ткани на пятно.

– Жюри заплатку не заметит,– объяснила Нилка, накладывая стежок,– далеко. Нилка откусила нитку.

– Надевай.

Тамара втиснулась в платье, и сразу стало ясно, что оно с чужого плеча. Как ни одергивала, как ни вытягивала швы Нилка, лучше от этого не становилось. Все пропало.

В Нилке будто что–то надломилось, какую–то гайку сорвало: она уткнулась в ситцевый подол и разревелась.

– Прекрати реветь,– Тамара стянула с себя наряд, добив Нилку безупречным загаром.– Почему бы тебе не выйти в нем самой на подиум? То есть, на сцену. Ты мельче меня, и тебе оно будет в самый раз. Давай–ка, надевай.

...Действо напоминало КВН.

Первый ряд занимало жюри, следующий – завитые и разряженные конкурсантки, над которыми густым облаком клубились запахи гелей, туалетной воды, лака и антиперспирантов.

Ведущий конкурса – студент четвертого курса с отделения промышленного оборудования, напомаженный донжуан с красными губами Сашка Шепелявых, в черной тройке и бабочке, похожий на юного беса, объявил в микрофон:

– Господа!– Сашка выдержал красивую паузу, явно воображая себя популярным шоуменом.– У меня два объявления. Первое: по техническим причинам изделие Натальи Бабич в показе не участвует. Второе: по состоянию здоровья модель под номером 16, Эльза, в показе не участвует, по этой причине свои изделия участницы конкурса будут демонстрировать сами или же с помощью дублеров из числа моделей.

Представив, как Бабич пытается втиснуться в платье на три размера меньше, Нилка прыснула в кулак.

По залу пробежал легкий шорох, старушка Варенцова простучала каблуками по проходу, и все забыли о сказанном – у бокового входа в зал появилась первая модель.

– Итак. Дорогие друзья!– продолжил с энтузиазмом Сашка.– В нашем техникуме подобный конкурс проводится впервые. Да что там в техникуме! Такой конкурс проводится вообще впервые в истории существования среднего профессионального образования.– В этом месте зал одобрительно загудел.– Так не посраим же лица СПО!

– Не посраим!– заревел, затопал зал.

Тон был задан, далее конкурс проходил в интерактивном режиме.

Во время демонстрации нарядов Сашка Шепелявых кру-

тил головой, прижимал ладони к сердцу и закатывал глаза, и зал с восторгом реагировал на эти телодвижения, особенно мужская половина.

На сцене одна за другой появлялись модели. Открытые ноги, плечи и декольте будущие сварщики и техники по обслуживанию ткацких станков встречали бурными аплодисментами.

Каждый раз, когда жюри поднимало таблички с оценками, Нилка от волнения впивалась зубами в косметический карандаш. Пока все шло неплохо. Пока еще никто не получил десять баллов.

– Номер 12! – прогремел в микрофоне голос Шепелявых. – Встречайте! Неонила Кива в платье собственного производства!

– Улыбайся, – шепнула Тамара.

Нилка почувствовала легкий толчок в спину и оказалась в актовом зале.

Зашарканная сцена заштатного актового зала даже отдаленно не напоминала подиум. Вместо «юпитеров» – тусклые от пыли электролампы, вместо шикарной публики – знакомые рожи. Да и кутюрье с мировым именем не оправлял на Неониле Кива в последние секунды свое творение, но Нилке пригрезилось, что все именно так.

По проходу она шла, как в тумане – ничего не видя перед собой, и чудом добралась до сцены.

Чужие мокасины слетали с пятки, приходилось подвола-

кивать ноги, чтобы их не потерять.

Бабу Катю бы сюда, мелькнуло на периферии сознания.

Она бы не узнала внучку – стараниями Тамары от бледной спирохеты и поганки не осталось и следа. Нилкино лицо светилось, словно лик. Неужели пережитое потрясение ее так изменило? Или дело в румянах и нескольких штрихах, оттенивших брови? Не может быть. Тогда в чем? Или во всем сразу?

Уже на середине сцены Нилке показалось, что какое-то движение произошло среди жюри, кто-то из небожителей повернулся к сцене спиной.

Нилка моментально впала в панику от того, что ее платье кому-то не понравилось, рысью проскочила остаток сцены, чуть не кубарем скатилась по ступенькам, как записная соблазнительница – Золушка, – потеряв мокасину, проскочила проход, вывалилась в дверь и попала в объятия Тамары.

– Молодец, молодец, – Тамара ободряюще похлопала Нилку по плечу, – с почином.

В голове у Нилки было гулко от пустоты, срывающимся голосом она бормотала как заведенная:

– Ужас! Какой ужас!

В двери показалась Настя с потерянной мокасиной:

– Держи. Как тебе дефиле?

– Ужасно.

– Все пучком, – не согласилась Тома, – для первого раза просто отлично.

– Правда?

– Говорю же: молодец.

– А кто-то из жюри отвернулся.

– Никто не отвернулся. Наоборот. Приехал еще один член, – с выражением произнесла Тамара.

– Кто это?

– Наш скаут и букер. Селекционер по моделям и агент Вадим Валежанин.

... Жюри удалилось на совещание, а бомондовское, нездешнее «скаут» и «букер» гуляло в сознании, отвлекало и не давало сосредоточиться.

Скаут... Кто это? Богочеловек? Вот бы посмотреть одним глазком...

Наверняка в его власти вершить судьбы таких, как Неонила Кива. Вдруг ему понравится ее работа? Вдруг он пристроит ее модельером–закройщиком к какому–нибудь российскому дизайнеру?

К моменту, когда жюри вернулось после совещания, Нилка, казалось, впала в протрацию.

На сцену снова выгребся Сашка Шепелявых, в руке у него был конверт. Над залом повисла нервная тишина.

Неторопливо, как в кадре с замедленной съемкой, Сашка распечатал конверт, испытывая терпение зала, эффектно извлек листок с текстом, пробежал глазами, одарил зрителей

ослепительной улыбкой и, растягивая слова, начал:

– По единодушной оценке жюри... лучшей работой признана работа... работа ученицы третьей группы третьего курса... Неонилы Кива! – в полной тишине завершил маневр ведущий.

Секунду, ровно секунду зал осмысливал известие, и только через секунду взорвался ревом:

– Кива! Так держать! Поздравляем! – неслось с галерки.

Оглушенная и ошеломленная Нилка затравленно озиралась по сторонам и не узнавала актовй зал, сокурсников – все стало чужим.

Наконец, взгляд вырвал из хаоса знакомое лицо:

– Не тупи, Кива, улыбайся.– Настя встала на носки и чмокнула Нилку в щеку.

– Ага,– кивнула Нилка и улыбнулась жалкой улыбкой.

Почему–то отчаянно хотелось плакать.

Она победила. Ее платье в стиле кантри покорило жюри. Ей одной выставили две «десятки» по двум номинациям – за стиль и качество исполнения. Не бог весть, какая, но победа! Сколько их еще будет, таких и более престижных побед...

Двое технарей–третьекурсников внесли в зал швейную машинку, как призового жеребца, с красным бантом на шее.

– Победительнице вручается...

Благодарная публика заглушила конец фразы свистом и аплодисментами.

В этот кульминационный момент Нилка испытала всепо-

глощающую любовь к окружающему миру, и даже пожалела, что облила клеем черное платье для коктейлей, которое смастырила Бабич.

... Гордая до соплей Нилка следовала за машинкой Зингер и сопевшим от натуги Ваней Земцовым, который тащил машинку в общагу, когда их догнала Настя Плашко:

– Кива! – издалека заорала Настя. – Тебя Старуха призывает! Сказала – срочно!

Восхитительное чувство эйфории мгновенно слетело с Нилки, в лице медленно проступила зелень. Чертово платье, и зачем только она поддалась желанию отомстить Бабич?

– Вань, – удрученно обратилась Нилка к носильщику, – ты на вахте оставь машинку, я потом заберу.

Ваня измерил красноречивым взглядом Нилкину фигуру:

– Пупок развяжется.

– Кто–нибудь из девчонок поможет, – уныло отмахнулась Нилка, – спасибо за помощь, Вань. А не знаешь, зачем? – Это уже относилось к подбежавшей Насте.

– Не, не знаю, – запыхавшись, ответила та.

Теряясь в догадках, Нилка поднялась на второй этаж техникума и остановилась перед дверью кабинета Варенцовой в нерешительности.

Что с нею сделает старуха? Лишит стипендии? Черт, зачем она только...

Дверь в этот момент ожила и поползла Нилке навстречу,

за дверью обнаружилась Н.Н. Загайнова – автор учебника, директор, заслуженный работник.

– Кива?– притормозила автор и директор.

В открывшуюся дверь были видны два стола, составленные буквой «Т» и ряд стульев, плотно придвинутых к столу совещаний. Через спинку одного из стульев была переброшена черная тряпка, в которой Нелка шестым чувством угадала платье Бабич.

Взмокшая от предчувствия, Нилка коротко кивнула:

– Да.– Простым выговором, кажется не отделаться. Кажется, ее сейчас повесят на этом недоделанном платье.

– Это я тебя искала.– Загайнова задвинулась назад, в кабинет, увлекая за собой Нилку.– У меня есть к тебе предложение.

Стараясь дышать через раз Нилка глухо спросила:

– Какое?– Неужели ей предложат выбрать способ казни?

– Мне нужны способные люди,– явно любуясь собой, заявила заслуженный работник, и Нилка порозовела – не от предложения Загайновой, хотя оно ласкало душу, а от счастья, что вешать ее никто не собирается.

На радостях Нилка тут же представила головокружительную карьеру конструктора одежды в конструкторском бюро автора и директора Н.Н.Загайновой, призы и награды за лучшие разработки лекал.

– Так что давай, доучивайся,– чирикала Загайнова,– я тебя с удовольствием возьму в коллектив. Только диплом вы-

трани на «отлично».

Перспектива заниматься конструированием лекал сделала ручкой: на «отлично» у Неонила Кива шли только специальность и все, что связано с шитьем. А всякую лабуду, вроде основ философии и права Нилка считала мусором и старалась не забивать себе голову.

– Постараюсь, – промямлила она.

– Да, ты уж постарайся. Вообще–то, к нам серьезный конкурс, но тебя я готова взять без конкурса, только с испытательным сроком. Я думаю, это редкая удача – оказаться в такой фирме, как наша.

– Я тоже так думаю, – соврала Нилка.

– Возьми мою визитку, – засобиралась директриса, – на всякий случай. Ответит секретарь, назовешься, и тебя соединят.

– Спасибо, большое спасибо, – расшаркалась Неонила и, тут же забыв о всесильной Загайновой, припустила на первый этаж, в аудиторию, приспособленную под раздевалку с примеркой.

... В аудитории, куда перенесли трельяж из холла, и где переодевались девушки, стояла деловитая суета, приправленная плотным духом парфюма и пота.

– А зачем он приехал? – наконец–то у Нилки появилась возможность расспросить Тамару об этом богочеловеке, скауте.

– Кто?

– Вадим Валежанин.

– Этот селекционер–группед? Зачем он может приехать?

На лица и тела посмотреть. Он числится «скаутом» в одном международном агентстве, вот и шустрит. Иногда мне кажется, он не прекращает оценивать девчонок даже в гробу.

– Почему?

– Потому что для него главное – найти очередную старлетку. Смотрит на нас через прицел объектива. Мы для него вообще не люди, а фактура. Инструменты для достижений, живые вешалки.

Нилка смотрела с недоверием:

– Правда, что ли?

– Голимая.

Хорошо это или плохо, Нилка понять не успела – дверь распахнулась, и в проеме показался мужской силуэт.

Девушки–модели ни единым вздохом не отреагировали на вошедшего, продолжали стаскивать с себя наряды, обнажая худосочные тела. В душном воздухе раздался одиночный мышинный писк – Нилка прикрылась только что снятым платьем.

– Спокойно, девочки, – попросил пленяющий баритон, – это всего лишь я.

Модели бросали на Нилку презрительные взгляды, и лишь Тамара снизошла до объяснения:

– В нашей среде не принято стесняться.

Покрутив головой, вошедший осмотрел помещение.

– А–а, вот, значит, как? Кто тут у нас такой пугливый?

Сжавшись в комок и прижимая к груди платье, Нила следила широко распахнутыми глазами за приближающимся очаровательным шалопаем, которому на вид можно было дать лет тридцать.

В том болоте, где росла и училась Неонила, такие красавцы не водились в принципе. Такие красавцы на болотах не водятся – такие водятся в оранжереях. Им нужны особые условия для произрастания: роскошь, комфорт, любовь и восхищение толпы. И модные тряпки.

Грива вьющихся каштановых волос, карие с поволокой глаза и темные, почти сливового оттенка губы – словом, колени у Нилки подогнулись, она плавно опустилась на скамью. Сердце остановилось, время остановилась, в довершение всего Нилка с ужасом поняла, что позорно вспотела. Деревня. Дура. А если это шанс устроиться модельером?

Собрав все душевные силы, Нилка посмотрела в глаза очаровательному шалопаю.

Лучше бы она этого не делала.

Карие глаза утянули на дно, на котором все отчетливей просматривались предыдущие жертвы: яркие, смуглые, раскованные – не чета Нилке.

Утопленницы манили новенькую и лукаво улыбались.

Кожа у Нилки покрылась мурашками, она встряхнула головой – химеры исчезли.

– Здравствуй, солнце мое,– мачо обнажил в улыбке ослепительной белизны зубы. Ну, еще бы... Театр начинается с вешалки, а мачо – с зубов.

Кончиком языка облизнув пересохшие губы, Нилка кивнула – звуки застряли в горле.

– А–а, вот значит, как. А говорить–то мы умеем?

Нилка снова кивнула.

– Валежанин, большими дозами ты убиваешь.– Тамара успела надеть джинсы и джемпер. Под тонким трикотажем прорисовывались бугорки сосков.

В эту самую минуту Нилка ничего так не желала, как быть похожей на спокойную и равнодушную ко всему Наоми–Тамару. Равнодушную настолько, что в присутствии неотразимого самца у нее не отнялась речь.

– Я?– радостно удивился мачо.

– Ты. Это Вадим Валежанин, скаут международного агентства,– представила богочеловека Тамара.

У богочеловека оказалась бульдожья хватка:

– Значит так,– обратился он к Нилке, судорожно комкающей платье,– приходи в себя, одевайся и выходи в холл. Кивни, если ты меня слышишь.

С красивого лица сбежала улыбка, оно стало пугающе жестким, очаровательный шалопай бесследно испарился.

Нилка приниженно кивнула.

– Ого,– хмыкнула Тамара, когда мачо, уходя, поднял в прощальном жесте руку и скрылся за дверью.

Пребывающая в полной прострации Нилка сглотнула.

– Как думаешь, зачем я ему понадобилась?

– Наверное, у него есть к тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

– Какое?

– Найди его – узнаешь.

– Может, не надо?– Колени все еще противно дрожали, Нилка чувствовала себя только что сдувшимся аэростатом.

– Неужели тебе не интересно, чего он хочет?

Еще как интересно. Даже слишком интересно. От этого–то нездорового интереса Нилку и бил озноб.

Неожиданно Нилка поймала себя на остром желании дерзнуть. Тихо смяться. Как это сделать незаметно с ее ростом?

Ничего не напишешь, придется выяснить, зачем она понадобилась этому господину.

От волнения не попадая в рукава и штанины, Нилка с грехом пополам переделалась, расчесалась, перехватила волосы резинкой и соорудила пучок на затылке.

– Ни пуха,– напутствовала Тамара.

– К черту,– рассеянно отозвалась Нила.

...В холле скаута не оказалось.

Испытав невероятное облегчение, Нилка протрусила к выходу, выскочила на улицу и буквально врезалась в отару ребят, дымивших под колоннами.

Увидев Нилку, парни засвистели и захолопали в ладоши так яростно, будто увидели Киру Найтли.

– У–у–у! С победой, Кива! Знай наших!

– Большому кораблю большое плавание!

Не избалованная мужским вниманием, Нилка смутилась.

– Спасибо.

– Ты что, на бал не останешься? – Вопрос вогнал Нилку в краску.

Веня ошибся в прогнозах: за три года даже поматросить альбиноса–Нилку и бросить желающих не оказалось.

– Немного подышу и вернусь,– стараясь скрыть ликование, ответила Нилка и неуклюже спряталась за колонну.

За колонной открывался вид на блестящее надменное авто. Нилка в машинах ничего не понимала, но автокар от шестой модели Жигулей даже она умела отличить.

На территорию техникума допускались только VIP–персоны, и Нилка заинтересованно вытянула шею.

В этот момент дверца авто со стороны водителя распахнулась, над ней показалась породистая кудрявая голова, и Нилка со всей беспощадностью поняла, что не в состоянии сопротивляться исходящей от этого человека силе, что ее влечет к нему, как магнитом. Нилке стало страшно.

– Кива!– раздался пленяющий баритон.

В груди разрасталось сердце, еще немного, и ее оторвет от земли.

Впрочем, она и так уже не чувствовала землю под ногами

и ног под собой тоже не чувствовала.

– Прыгай ко мне, поболтаем,– командирским тоном велел Валежанин и спрятался в машине.

– Почему в машину? Вы же сказали в холле?– Жалкая, обреченная на провал попытка ускользнуть, перехитрить судьбу.

– Там же народу до черта, поговорить не дадут. Так что давай, не трусь. Садись.

Тон, которым это было сказано, пристыдил Нилку. На самом деле, что это она себе нафантазировала? Разве подобный мужчина может заинтересоваться такой спирохетой, альбиносом и тлей, как она?

Сила этого аргумента сдвинула Нилку с места. Ступая осторожно, как слепая, не помня себя, Нилка шагнула на зов.

– Хорошо,– пролепетала она и оказалась в машине по правую руку от скаута

...Что–что, а обольщать Валежанин умел.

В ход шли документальные свидетельства: статьи в газетах и журналах, буклеты с презентаций, выставок, промо–акций и, конечно, дефиле.

Но это все был вспомогательный материал.

Взгляд, голос, речь, движения рук – неторопливо–уверенные – это был главный инструмент обольщения, против которого не устояла еще ни одна жертва.

– У тебя есть мечта в жизни?– За редким исключением,

так незатейливо начинал Валежанин окучивать простушек. Даже самый поверхностный взгляд сказал Валежанину, что с этой селянкой он разделается в два счета. Или даже на счет «раз». Поэтому он не стал ничего изобретать, пошел проторенным путем.

– Неонила Кива, у тебя есть мечта?– спросил скаут, наклоняясь через Нилкины колени к бардачку.

В полуобморочном состоянии Нилка вжалась в кресло.

Одним движением Валежанин взял два яблока и вернул крышку бардачка на место – Нилка, как замороженная, следила за большой аристократичной рукой скаута, покрытой тонкими черными волосками. Несравненная рука. Ничего общего с Вениной и вообще с чьей бы то ни было.

– Ну, так как?– заждался скаут.

– Мечта? – тупо переспросила Нилка, подавленная его близостью и роскошью окружающей обстановки.

– Ну, да. Мечта. Какая–нибудь заоблачная.

– Не знаю,– Нилка стушевалась.

Можно считать заоблачной мечтой ее желание работать в лучших европейских домах моды?

– Держи,– Валежанин опустил Нилке на колени зеленое огромное яблоко и нажал на какую–то кнопку, и Нилка во все глаза смотрела, как с тихим шелестом стекло с его стороны медленно поехало вниз.

– Спасибо,– пискнула Нилка, точно зная, что ни за что в жизни не откусит от налитого бока – Нилка даже в мыслях

не могла допустить, чтобы она в присутствии неотразимого мачо широко раззявила рот.

Скаут обратился на пассажирку насмешливый взгляд:

– Никогда не встречал девушек без мечты. Может, ты замуж хочешь? Свой дом, там, спиногрызов штук пять?

Нилка растерялась:

– Вы шутите?

– Вот и я думаю: не может же такая красавица оказаться такой тупицей.

Нилке перестало хватить воздуха, она открыла рот и шумно вздохнула. Вовсе не «тупица» ее подкосила – вовсе другое слово, которое страшно повторить даже про себя, даже в самых тайных мыслях.

Будто бы ничего такого и не было сказано, Валежанин вкусно хрустел яблоком и продолжал практику обольщения:

– Не может человек без мечты. Человек без мечты – что?

– Что?

Неужели ей показалось, и слово «красавица» произнесено не было?

– Млекопитающее. Согласна?

Нилка готова была подписаться кровью под каждым словом, каждой буквой, произнесенной богочеловеком, но только покраснела в ответ.

– Ты хочешь сказать, что ты случайно поступила учиться в эту бурсу?

Оскорбившись за Альма–матер, Нинка немного пришла в

себя.

– Не случайно. Мне здесь нравится.

– А–а, вот значит, как,– снова блеснул голливудской улыбкой скаут,– тебе здесь нравится, потому что ты мечтала сюда поступить?

– Конечно!– Нилка почувствовала, что обрела почву под ногами.– Я всегда мечтала стать мастером–закройщиком, как бабушка.

– Вот, значит, как. Ну, теперь ты станешь модельером–закройщиком. Сносная мечта. А еще о чем мечтаешь?

Про Париж и Европу Нилка бы не создалась даже под пыткой. Она потупилась и молча вертела в ладони яблоко.

– Хорошо. Тогда я попытаюсь угадать. Можно?– снова улыбка, только уже прицельно бьющая по неискушенной Нилке.

– Можно,– выдавила она.

– Только чур, ты мне помогаешь.

– Как?

– Как в детстве: горячо – холодно. Помнишь?

– Помню,– Нилка недоверчиво улыбнулась.

– Ну что, поехали?

– Куда?– струсила Нилка.

– Эх, да что ж это такое?– возмутился неотразимый селекционер моделей.– Как можно мечтать о чем–то, будучи такой трусихой, а?

Выпад показался Нилке более чем странным: одно с дру-

гим в ее сознании не вязалось. Ну, трусиха. Так ведь чужих мужчин нужно бояться. А при чем здесь мечта?

– А при чем здесь мечта?– озвучила она свое сомнение.

– Как при чем?– обрадовался Валежанин, будто только и ждал этого вопроса.– Как при чем? Трус мечтать не может по определению. Трус только и может, что трястись от страха, чтобы не дай бог что–то изменилось в его жизни. А что такое мечта?

– Что?

– Мечта – это перемены. Большие, если мечта большая, и маленькие, если мечта маленькая. Например,– с воодушевлением продолжал Валежанин,– ты мечтаешь о котенке. Это маленькая мечта, и перемены она повлечет небольшие: лоток, мисочки, корм и разодранные обои. А вот большая мечта – выбор профессии, например, – влечет серьезные перемены в жизни. Согласна?

Нилка смущенно молчала. Ей было стыдно, как богоотступнице: она не была согласна с вершителем судеб скаутом Валежаниным. С ее трусливой точки зрения, мечта и цель были разными вещами.

– Что молчим?– не отставал богочеловек.

– Мечта может никогда не стать реальностью,– отважилась возразить Нилка.

– А–а, вот, значит, как!– Валежанин с интересом уставился на собеседницу.– Ты хочешь сказать, что у тебя была не мечта, а цель? Поэтому ты здесь? И это значит, что ты вовсе

не трусиха? Я угадал?

Польщенная Нилка застенчиво улыбнулась:

– Примерно.

– Тогда ты оценишь мое предложение, – коварно подошел к интересующей его теме Валежанин и торжественно замолчал.

– Какое? – заерзала Нилка.

– Я предлагаю тебе работу модели. Оплачу учебу на курсах, возьму в штат и все такое. Подробности обговорим потом. Ну, как?

Нилка боялась шевельнуться: для ее неокрепшей психики два предложения за один день и машинка Зингер были слишком серьезным испытанием.

Да еще этот неотразимый мачо совсем не следит за речью. Сначала «красавица», теперь «модель» – это же... это... ах, да что там говорить! Она даже мечтать о таком не смела!

Радость омрачалась только одним соображением: техникум – то она не окончила. Ей еще год корпеть над учебниками. Вряд ли бабушка одобрит, если она не доучится.

На Нилкином лице отразилась борьба, скаут, он же Вельзевул, поспешил закрепить результат:

– Что такое модельер – закройщик в сравнении с Клаудией Шиффер, например, или нашей Натальей Водяновой? Отстой! Если, конечно, ты не кутюрье вроде Лагерфельда или Кардена. Ты Лагерфельд?

– Н – нет, не знаю, – проямлила Нилка.

– Вот и я говорю. Не Лагерфельд. Тогда зачем тебе эти выкройки, лекала, и рулоны тканей?

– Но ведь неизвестно, смогу я стать звездой подиумов или не смогу.

– А я зачем?– искренне изумился скаут. Чем–то он сейчас напомнил Нилке Карлсона.

– Но ведь не вы же будете дефилировать?

– Верно,– коварно усмехнулся Вельзевул–Валежанин,– но именно я тебя этому научу.

– А как же техникум?– Нилка опасно покосилась на колонны за спиной.

– Возьмешь отпуск.

– Какой отпуск? Что вы? У нас через неделю сессия начинается.

– Ну, больничный.

– Где же я его возьму?

Нилка не понимала, как реагировать на предложение. Не может же богочеловек быть таким... наивным.

Валежанин хлопнул себя по коленям красиво вылепленными ладонями:

– Дьявол, ну, хочешь, я тебе больничный организую? Нет, не в том смысле,– успокоил он Нилку, увидев ее вытянувшуюся физиономию.– Привезу справку, что ты страдаешь анорексией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.